

Н 73

406f

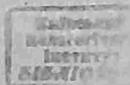
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

На правах рукописи

М. А. НОВИКОВА

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА
Н. УШАКОВА—
ПОЭТА И ПЕРЕВОДЧИКА

(№ 641, советская литература)

406 (сук)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

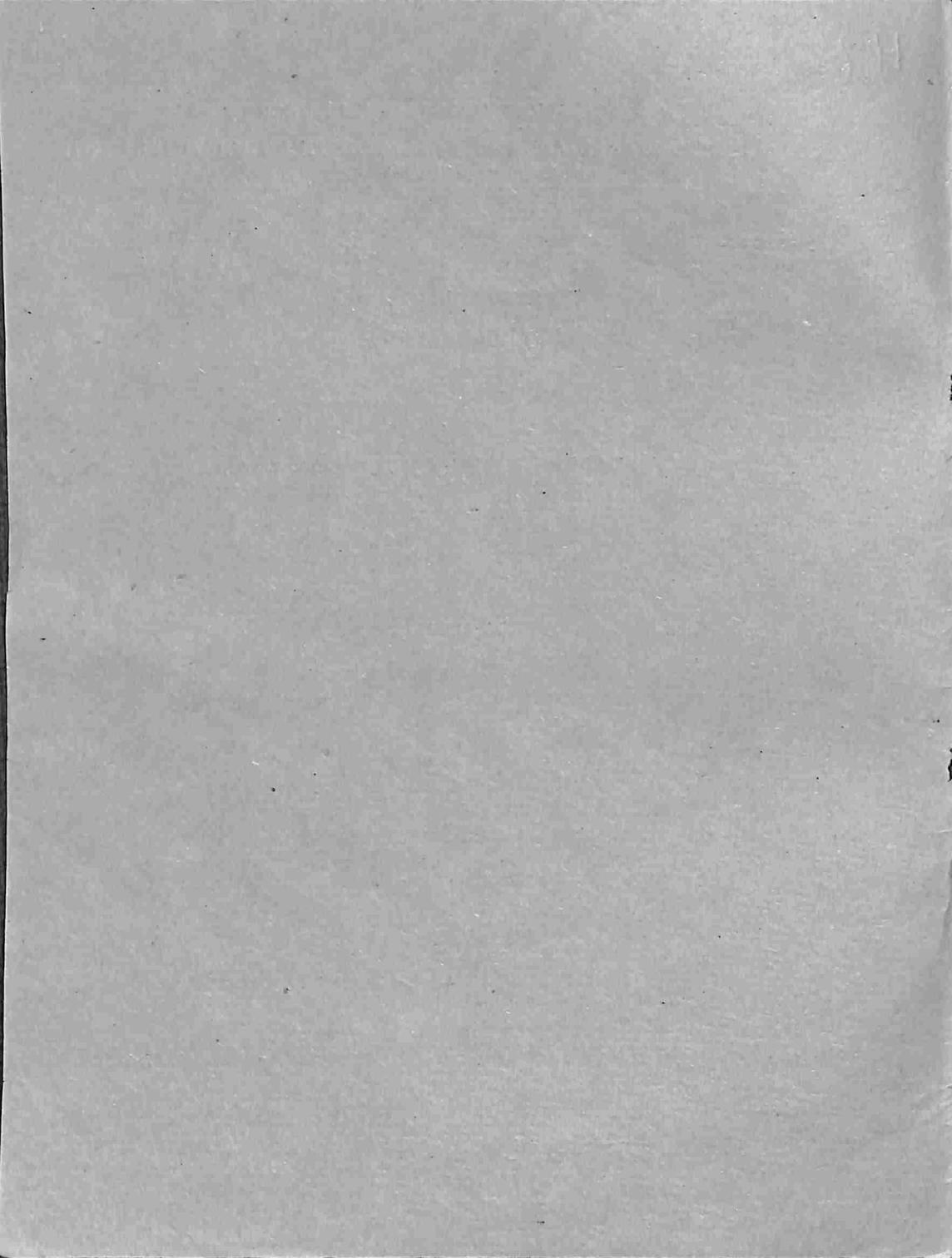
- 78

Киев—1968 г.

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова

100313525

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КНЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

На правах рукописи

М. А. Новикова

802

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА
Н. УШАКОВА—
ПОЭТА И ПЕРЕВОДЧИКА

(№ 641, советская литература)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Киев—1968 г.

Работа выполнена в Киевском государственном педагогическом институте имени А. М. Горького.

Научный руководитель — доктор филологических наук, член-корреспондент АН УССР Н. Е. КРУТИКОВА.

Официальные оппоненты:

1. Доктор филологических наук, профессор С. А. КРЫЖАНИВСКИЙ.
2. Кандидат филологических наук, доцент Л. Н. ВЫШЕСЛАВСКИЙ.

Внешняя рецензия Киевского ордена Ленина государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

Автореферат разослан « 18 » октября 1968 г.

Защита диссертации состоится «   » ноября 1968 г. на заседании совета Киевского государственного педагогического института им. А. М. Горького (г. Киев, бульвар Шевченко, 22/24).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке.

Ученый секретарь совета

Николай Ушаков, видный мастер стиха, русский писатель, живущий на Украине и тесно связанный с ней творчески, давно близок советским читателям. Его поэзия — свидетельница истории первого в мире социалистического государства и соучастница сегодняшнего коммунистического строительства.

Вклад Ушакова в развитие советской литературы не ограничивается стихами. Многочисленны его теоретические и полемические статьи, рецензии, очерки. Высока литературно-общественная значимость его переводческой работы. Украина дала поэту свои богатства: от народной ритмики до красок киевской осени, от великих событий прошлого до романтики новостроек. Ушаков щедро возвращает данное ему — своими переводами и стихами.

Борьба за «живую жизнь» (по выражению Ушакова) в поэзии, укрепление межнациональных связей — и есть то участие в коммунистическом воспитании, за которое Ушаков награжден орденом Ленина, получил читательское признание. Это признание пришло в полной мере во второй половине 50-х и в 60-е годы, когда социальные и духовные процессы, происходившие в стране, помогли по-новому оценить деятельность писателя.

Возникает необходимость рассмотреть (а подчас и пересмотреть) основные вопросы творчества Ушакова, восполнить пробелы. Нужно сказать не только об Ушакове-лирике, но и Ушакове-переводчике, теоретике. Выросли поэты, учившиеся у него, разделяющие его художественные принципы, что также требует осмысления. Не освещены в критике новые тенденции сегодняшней лирики поэта. Отсутствуют научные монографии и диссертации об Ушакове. Между тем, литературная деятельность Ушакова нуждается сейчас именно в исследовании ее как составной части творческого опыта всей советской поэзии.

Цель данной диссертации состоит в целостном изучении проблем, связанных с многообразной деятельностью Ушакова: специфика историзма в лирической поэзии, пути наследования и обновления литературных традиций, вопрос об индивидуальном переводческом стиле, о творческом родстве переводчика с переводимыми авторами.

Эти проблемы служат сейчас предметом пристального внимания литературоведов. Тем-то и представляется важным изучение проблематики творчества Ушакова, что помогает проследить, как решает актуальные идейно-художественные вопросы советской литературы один из своеобразных ее мастеров.

В работе используются черновики стихов Ушакова, переводов, записи и воспоминания поэта, неопубликованные высказывания о литературе и литераторах. Помимо архива Н. Ушакова, привлечены личные архивы других писателей.

Диссертация состоит из развернутого введения, заключения и трех глав: глава I — «История и лирика»; глава II — «Динамика поэзии»; глава III — «Кredo переводчика».

С детства открылась поэту красота родной природы, народного языка: «Поэзия — это живая жизнь, выраженная живой речью»¹. Смелые рифмы (подсказанные ярославской частушкой), сжатая метафора взамен описательности, параллелизм внешнего мира и переживаний человека — эти черты его лирики близки к народной поэтике.

Ушаков сразу определился как поэт своей — напряженной и радостной — эпохи: «Работал в клубе рабкоров при киевской «Пролетарской правде». Заведовал отделом науки и техники одной из киевских молодежных газет. Мои агитпесни шли на синемблужной сцене»². Уже в предисловии к первой книге Ушакова Н. Асеев отмечал «новый, первоклассного тембра и силы голос, воспевающий подлинную весну республики»³. Эта книга была оценена критикой как блестящий дебют.

Поэт вспоминает дух того времени: восстановление страны после разрухи, «первые киевские опыты по электросварке» Патона, «победа советского водомера над заграничным» — «так возникли наши производственные оды»⁴. Стихи славят не технику вообще, а раскрепощенный Октябрем труд. Некоторые рецензенты (И. Поступальский, Ф. Раскольников) увидели в технических мотивах поэта противопоставление машин природе. В книге же неизменно рядом «жаркий вздох паровозов» и «воздушный холод лепестков», «трезвон и гром почи-

¹ Из личного архива Н. Ушакова.

² Из личного архива Н. Ушакова.

³ В кн: Ник. Ушаков. Весна республики. «Молодая гвардия», 1927, стр. 5.

⁴ Из личного архива Н. Ушакова.

док» в депо и «черешен розовый трезвон». Сборник полон радостного чувства «весны республики» в прямом и символическом плане.

Второй период — 30-е годы — очень плодотворен (книги «30 стихотворений» (1931), «Горячий цех», «Календарь», «Повести» (1933), «Мир для нас» (1935) и др.). «Каждой своей книгой я старался сказать что-то иное, новое для себя»¹, — замечает Ушаков. Все больше появляется у него стихов, где показано величие революции и ее предыстория, революционные события на Украине. Явственно и первое обращение к живым характеристам людей революции.

Время ударников, стахановцев, челюскинцев нуждалось в достойном художественном воплощении духовного мира наших соотечественников. Критики той поры (Н. Четунова, П. Рябов) верно связывают популярность Ушакова с расцветом лирики как таковой. Статьи, воспоминания писателей говорят о том, что уже тогда стихи поэта пользовались большой известностью.

Однако в некоторых рецензиях звучали и вульгарно-социологические призывы к Ушакову дать темы современности «в лоб», требования «открытого пафоса». Причина в том, что жизнеутверждающая энергия стихов Ушакова была оценена быстро. Сложная же ассоциативность, метафоричность, переосмысление реминисценций и т. д. получили признание далеко не сразу.

Молодая советская литература росла в атмосфере интернационализма. Переводить с украинского Ушаков начал почти одновременно с созданием собственных стихов. В 30-е годы уже выходит его серия выпусков «Поэты Советской Украины», книги переводов из Тычины, Рильского и др. С 20-х годов он воссоздает по-русски лирику Шевченко. Этапной стала для Ушакова совместная с М. Рильским редакторско-переводческая работа над «Кобзарем». Издание 1939 г. показало, что советская школа перевода достигла высоких результатов. На шевченковском пленуме (1939) среди лучших переводов приводились ушаковские. В 30-е годы Н. Ушаков работает и над переводами поэзии Дагестана. Достижения переводчика отмечались в печати тех лет, хотя и не исследовались конкретно.

В сборнике стихов «Путешествия» (1940) определилась еще одна тема — географическая: «это дороги, причем не

¹ Из личного архива Н. Ушакова.

только в пространстве, но и во времени»¹. Настойчиво ищет поэт в самых дальних уголках страны (Заполярье, Кавказ) приметы «весны республики». Перестраивается вековой быт: «квадратный, крепкий, грамотный» электровоз будит тундру, а юный горец поступает в летнюю школу. Странствия по Союзу были для лирика не поисками экзотики, а «еще одним жизненным университетом»². Поэтому, по мнению критики, «Путешествия» становятся хозяйским объездом родной земли (Н. Павлович).

Рецензенты предвоенных лет (М. Липович, Л. Озеров, В. Дружин и др.), более свободные от субъективности, «подверстывания» стихов под заранее созданную концепцию, вдумчивей раскрывают авторскую поэтическую манеру.

Великая Отечественная война оказалась испытанием, которое с честью выдержала и наша литература в целом, и творчество Ушакова. Поэт создает ряд книг, пишет статьи о неумирной украинской культуре, переводит поэтов Украины, немецких и венгерских антифашистов, узбекского классика Мукими. Под знаком интернационального боевого и творческого содружества идет вся деятельность Ушакова военных лет.

Период конца 40-х и начала 50-х годов был для поэта сложным. Ушаков испытал в ту пору не только рецензентские нападки, но и собственные творческие трудности. В его лирике местами проступают декларативность, с одной стороны, и орнаментальность — с другой.

При всем том, указанный период не прошел бесплодно для творчества Ушакова. В его пейзажной поэзии идет накопление лирических открытий, поиски «себя». Лучшие стихи-пейзажи и философски, и общественно значительны. Скажем, банный пейзаж Цимлянского моря подводит к глубокому заключению: «здесь каждый день дает мне представление о коммунизме, — здесь все — неповторимый переход от старого к зовущему вперед».

Поэтому несправедливыми представляются попытки некоторых критиков того времени обвинить Ушакова в формализме, эстетстве и т. д. Не зря М. Рылский, в противовес им, утверждал ценность труда этого «очень своеобразного и тонкого поэта», «талантливого переводчика и вдумчивого редактора»³. Рылский же впервые указывал на цельность творче-

¹ Из личного архива Н. Ушакова.

² Из творческой автобиографии Н. Ушакова.

³ М. Рылский. Взыскательность поэта. «Литературная газета», 1951, 21 июня.

ского облика Ушакова. Но резкая критика стихов В. Сосюры «Люби Украину» и (отраженным светом) переводчика их, Ушакова, на несколько лет затруднила развитие творчества писателя. Перелом наступает к середине 50-х годов.

XX съезд КПСС и последующие съезды партии обусловили новый подъем в советской литературе. Оживился и интерес к Николаю Ушакову. Выходят его сборники «Свежий вечер» (1955), «Год за годом» (1956), идет подготовка к «Веснодворцу» (1962). По архивным записям поэта, письмам (А. Тарасенкова, читателей) видно, что необходимость сдвига в писательской судьбе ощущается всеми. Начинается «переломное» ушаковское лирическое «возобновление знакомства». Оно итжится в критико-биографическом очерке В. Тельпугова¹, в статьях конца 50-х и 60-х годов (А. Недзвецкого, А. Урбана, И. Михайлова и др.). Очерк и статьи привлекают наблюдениями над элементами стиля Ушакова, попыткой сказать (пока очень сжато) о разностороннем таланте мастера.

Предлагаемая в диссертации периодизация творчества Ушакова опирается, таким образом, на принцип единого рассмотрения этого творчества и определенных этапов развития советской литературы: I период — 20-е годы; II — 30-е годы; III — военный период; IV — период конца 40-х и начала 50-х годов; V — современный период, начавшийся с середины 50-х годов.

Через все творчество Ушакова проходит историческая тема — одна из главных для писателя тем. «Вторжение» истории в лирику — характернейшее явление современной советской поэзии. Специфика же лирического осмысления «связи времен» затронута в литературоведении мало. Поэтому важно исследовать ушаковский опыт в этой области.

Еще с 20-х годов историческая тема часто воплощалась у поэта в «машинных» образах. Сама материальная сторона «машин» у него неотделима от конкретной эпохи. Таков «нетовый бронепоезд» гражданской войны или «кладбище паровозов», летевших когда-то в революцию. Вместе с тем, процесс создания «Кладбища паровозов» показывает, что Ушакова увлекло не просто зрелище машин. Стихи обращены, по сути, к революционным ветеранам, «сделавшим свое дело ради

¹ В. Тельпугов. Николай Ушаков. «Советский писатель», М., 1961.

молодого и нового»¹. Отсюда задушевность внешне «машинного» произведения.

Ведь и отклик на смерть В. И. Ленина («Траур машин») тоже не дает авторских переживаний впрямую. Ушаков вроде бы описывает технику, но скорбь утраты такова, что даже турбины, домы и паровозы «смахнули лапой человеческой слезу гремящую свою».

Для внутренне строгой лирики Ушакова такое выражение субъективного через объективное — существенная черта.

Нередко Н. Ушаков использует реминисценции. Его «В двенадцать часов по ночам» перекликается с «Воздушным кораблем» Лермонтова, «Старый Петербург с другой стороны» — с пушкинскими пейзажами в «Медном всаднике» и т. д. Через реминисценции поэт выражает сдвиг времен. Лермонтовская легенда подернута дымкой загадочности, написана приподнятым слогом. У Н. Ушакова воскресение мертвецов происходит в реальной бюргерской Германии. Подчеркнуто прозаичны, современны детали, словарь (пруссский монарх «переходит границу», фельдмаршалы «листают тетрадь диспозиций»). Стихи переосмыляют лермонтовский мотив, напоминая и о невозможности романтических баллад на победную тему в наши дни, и о бдительности к реваншистам.

Лирик не оспаривает моделей реминисценции; он лишь умеет увидеть их с «другой стороны». Его переосмысление тактично, исторически верно.

Если же реминисценция оказывалась вне идейного замысла, она превращалась в псевдачную стилизацию. Это не подтверждает мнения некоторых критиков Ушакова (В. Вих, Г. Хохлов) о бесплодности реминисценций вообще, а только свидетельствует, что лирическое преломление действительности через литературный мотив требует особой идейной точности, органичности.

Исторические стихи Ушакова кажутся зачастую «маленьким эпосом» по множеству действующих лиц, событий. В описке «людей истории» выявляется, однако, именно лирическое своеобразие.

Многообразны средства достижения исторической достоверности. «Джимми Хиггинс» — абрис биографии, немислимой вне гражданской войны, с ее прямой классовых столкновений, пафосом мировой революции (что роднит стихи с балладами Тихонова). У «трех ландшафтurmистов» (символи-

¹ Из личного архива Н. Ушакова.

зирующих пути Германии) в реплике каждого — их кредо: казенный патриотизм первого, циничное безразличие к политике у второго. Третий охарактеризован лишь поступком. Но страшная картина голодного партизанского «пира» подчеркивает молчаливое мужество третьего немца, идущего к этим партизанам, в революцию.

«Стойкий солдат» Ушакова тоже создан исторически верно, как выявляет сопоставление этого образа с Теркиным Твардовского. От жизнелюбивого солдата первой мировой войны, не поддающегося «ни шестнадцатидюймовым, ни жандармам полевым», Теркин отличается государственностью мышления советского бойца. Сравнение проясняет и разницу между эпосом и лирикой в изображении героя. Теркина можно вычленить как независимый персонаж из повествования (например, в инсценировке). «Стойкий солдат» не существует вне отношения к нему автора.

Своеобразен и сюжет у Н. Ушакова. Внешне несюжетные элементы могут играть роль сюжетных факторов (пейзаж в «Трех ландшафтмистах»). В стихах «Украина глухо волновалась» движение сюжета осуществляется через сцепление деталей. Начальник станции, глядящий «сквозь тощие герани» на запустелый вокзал, — зачин. Экспрессия все возрастает (кавалерист скачет по шпалам, «летят теплушки кверху дном», «мосточки головы срывают»). Бред умирающего солдата, образ слепца, чья лира грозно рокочет «яблочком», — эмоциональная вершина. Затем поэт возвращается к прежним гераням за окном, напоминая, сколько вместил один месяц 1918 года. Это развязка. Детали строго соподчинены. Единство, однако, — не событийное, а эмоциональное: через авторскую внутреннюю реакцию на происходящее.

В «Светопреставлении» двадцати строк хватило на показ пяти судеб, краха семьи — ячейки собственнического мира. Конденсированность повествования определена спецификой лирики. Метафоричность и напряженность лирической внутренней реакции естественно уплотняют ход событий.

Существовали сомнения: способна ли лирика выдержать груз проблем истории, создать исторически конкретные фигуры людей? В стихах Ушакова охват жизни под стать эпосу, но претворен лирически. Лирика успешно осваивает «глубь веков» своими средствами.

Историзм Ушакова — «вещный», предметный: «...конкретные черты эпохи — разве это второстепенное? Благодаря им убедительней масштабы, глубже перспектива, рельефней гра-

ни». Стихи поэта часто носят хронологические заголовки («1915», «Ночь на 25-е»). Точны приметы воссоздаваемого времени: «таксомоторы на керосиновом ходу», «море страусовых перьев», самолет Уточкина — «две жердочки...и табурет прилажен к ним» («1909»). Но у поэта дореволюционный быт и реалистичен, и символичен. Недаром в старой гостинице номера «низкие». Там «кричат ура» и там же «с самоубийцами шепчетей свеча». Конкретная подробность и авторское отношение к ней перекрещиваются.

Лирическое произведение «просвечивает», делает особо весомыми историко-бытовые подробности. Выразительные детали лучших ушаковских работ дают образ целой эпохи.

Поэтика Ушакова за последнее время заметно обогатилась. В его прежней исторической лирике лейтмотив — противопоставление прошлого настоящему. Но в предвоенном цикле «Выход к морю» рядом с идеей контраста уже возникает идея преемственности: прадеды-мореходы, которых «даже в лодках хоронили» — законные предки советских заполярников. Программное стихотворение «Русь» (1938) намечало будущие черты исторической лирики Ушакова: пафос личной причастности судьбам Родины, восприятие истории в «презенте», не «перфекте».

Ощущение истории «вплотную», стремление в сегодняшних событиях «не забывать основной исторической связи»² — это следствия плодотворных общественных сдвигов, благодаря которым каждый советский человек ныне особенно ясно чувствует сопричастность истории, ответственность за нее. Такое чувство сближает книгу Ушакова «Теодолит» (1967) с «Днем России» Смелякова.

Анализ черновых вариантов ушаковских стихов дает возможность проследить, как обновляется стиль писателя. В «Полете валькирий» есть смелая ассоциативность, беспощадная прония в адрес врага (присущие поэту и раньше). Но вначале воинственная валькирия лишь снилась захватчику — средневековому рыцарю. По ходу работы Ушаков приближает ассоциацию к нашим дням, напоминая об угрозе современного милитаризма.

Симптоматично для сегодняшней лирики мастера и сознание всеобщего длящегося исторического процесса, постоянно по-новому освещающего судьбы деятелей прошлого. Трагедия

¹ Из личного архива И. Ушакова.

² В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.

дня Л. Толстого, на которого ведет облаву «быт с его укладом вековым, философия, мораль и право» старого мира, — у поэта не просто психологически достоверна, а и увидена в исторической перспективе. Так смыкается правда лирического чувства, психология героя и большая правда истории.

Успешные искания поэта важны для советской исторической лирики в целом. Анализ их выявляет специфику лирики в изображении предмета как знака своей эпохи; особенности показа человеческих судеб; роль детали и метафоры в композиции; значение бытовой конкретности; новаторские элементы современной поэзии. Умение постичь историческую правду, воссоздать жизнь в ее революционном движении позволяет Ушакову, писателю лирическому, полноправно называть себя «судьей и свидетелем» вековых судеб Родины.

За последние годы достижения советской поэзии помогли углубить понятие традиционного и новаторского. Динамизм обеих категорий в поэтике Ушакова — предмет исследования второй главы. Причем если в первой главе речь шла об исторических стихах, то здесь анализируются стихи о нашей современности.

Круг современников-героев Ушакова определен лирическим единством: поисками великого в повседневном. Тут и «адмирал землечерпалок», который не добывал «золотое руно», зато помогал строить «весну республики». Сельская учительница — она «волшебница», ибо знакомит детей с Родиной, «еще неслыханную сказкою еще невиданной земли». Любые герои-современники Ушакова ощущают, как Отчизна «глядит с улыбкой» на них. Это и придает их труду романтику, государственный масштаб.

Рождается сквозная «тема «счетовода» и его движения от малого к великому»¹. Семен Семенович («Герой») перешагивает рубеж от традиционного дооктябрьского «маленького человека» к современным ушаковским «счетоводам». Встреча с бежавшим из-под расстрела большевиком, начавшаяся для тихого счетовода совсем по-башмачкински («Воры!»), выводит затем героя в большой мир, оваянный «ветром молодым». А в дальнейшем «счетоводы», люди мирной неброской профессии, энтузиасты, ворчуны и чудачки, оказываются способными разделить со страной ее испытания и победы.

¹ Из личного архива Н. Ушакова

«Традиция — старая тема, поднятая в новые дни»¹, — утверждает Ушаков. «Новые дни» превратили безгласных «партикулярных» тружеников в государственных людей, опозитизировали их работу, наполнив ее высоким общественным смыслом. А это означает необходимость переосмысления традиции ради ее жизнеспособности. Стремление же наших идейных противников под девизом преемственности навязать советской литературе «маленького человека» по-прежнему в «шинельном» варианте есть попытка толкнуть ее к социальной слепоте, литературному эпигонству.

Перестройка традиционного идет и тогда, когда автор возвращается к им же разработанной теме, ощутив ее нетронутые возможности. Преобразование страны у Н. Ушакова прежде представляло «определенным»: в тундру первый дом «прибывает на оленях», саксауловый лес и гидроэлектростанции возникают среди пустыни. Люди тоже изображались по результатам их работы.

В недавнем цикле стихов «Городу пять лет» наблюдаем новое. Пятилетний среднеазиатский город-ребенок вызывает у поэта и теплую улыбку («он кормит грейдеры с ладошки»), и озабоченность («пусть никакие тамерланы над ним ядро не расщепят!»). Наряду с картиной освоения дальних территорий, главным становится показ того, как небывалые дела советского человека рождают его новое светлое мироощущение. Приметы социалистического строительства делаются душевными приметами.

Динамизм поэзии, осмысляющей жизнь, выражается и во внутренней перестройке внешне неизменных стилизованных элементов.

Динамизм поэзии, осмысляющей жизнь, выражается и во внутренней перестройке внешне неизменных стилизованных элементов.

Создавая «Последний поезд» (1934), автор находил источники образности в фактах науки, материалах смежных искусств, бытовых наблюдений и т. д.² Однако поэтические заготовки еще подчас «разбегались» в стороны от основной мысли: «человек, мастер дорожке всего». По черновикам элегии «Деревья ночью» (1966) видна не меньшая сложность образного мышления. Но теперь разговор о человеке уже не распадается на цепь предметоописаний. Сквозь пейзаж проступает

¹ Ник. Ушаков. «Узнаю тебя, жизнь!». «Радянський письменник», Киев, 1958, стр. 5.

² Из личного архива Н. Ушакова.

раздумье о людях (деревья «отходят на цыпочках» от влюбленных, утешают вдовца, т. е. сопереживают). Наблюдательность, живописность прежние и теперешние не тождественны. Поэт включается в «спор с самим собой за улучшение вчерашнего объяснения»¹.

Общественные процессы, начавшиеся с середины 50-х годов, сказались на «самочувствии», «мирочувствии» писателя. Ушакову не потребовалось отрекаться от себя («традиционного»). В книгах последних лет наиболее полное развитие традиционной писательской поэтики и приводит к новаторству.

Неизменна в статьях Ушакова борьба против «бронзовой болезни» шаблонности («мелкая философия в конце стихотворения», банальный словарь, образы: «березка, зарезанная инициалами многих поэтов»; «старенькая мама вообще», молодое поколение — без лица, «хотя обычно курносо»)².

В современных стихах Ушаков соединяет старое с новым, тем самым вскрывая новаторские ресурсы старого. Возникает царственный облик Поэзии («скипетр в маленькой руке», «драгоценная порфира»), пишутся строки о почти пародийных «струнах при луне», чтобы «вернуть избитым понятиям поэтическую прописку». Лирик обращается к якобы изжившим себя классическим жанрам (элегия, ода и др.). Он стремится обновить все, что было живой поэзией, но у копистов стало штампом.

Лирике 60-х годов вообще присуща тяга к современно осмысленной «традиционности» (стихи А. Тарковского, расцвет сонета, интерес к наследию явно «классических» Н. Заболоцкого, А. Ахматовой и т. д.). Старые формы воспринимаются новаторски на фоне свободного стиха, «лесенки», проникшего в поэзию языка науки, техники, газет. Притом сопряжение строгой, возвышенной классичности с остросовременной проблематикой и психологией выявляет как непреходящую ценность первой, так и сугубую новизну второй.

Диалектичность наследованного и своего обнаруживается и в ритмометодике Ушакова. Ей свойственна классическая ориентация: правильные размеры, четкая строфика. Но лексическая «проза», разговорные интонации, свобода стихового дыхания — сама «жизнь при посредстве живой речи...придает старому размеру новый характер».⁴

¹ Из личного архива Н. Ушакова.

² Ник. Ушаков. «Узнаю тебя, жизнь!». «Радянський письменник», Киев, 1958, стр. 48.

³ Из личного архива Н. Ушакова.

⁴ Ник. Ушаков. «Узнаю тебя, жизнь!». «Радянський письменник», К., 1958, стр. 41.

Поэт шел от броских ритмических экспериментов к благородной взыскательности стихового мелодизма. Создавая недавнюю книгу «Теодолит», автор ищет «каждому произведению выраженный мелодическим словом образ, что в традиции русского напевного стиха». ¹ Мелодия наивного романса горьким, беспощадным контрастом врывается в стихи о первой мировой войне. А в «Зимнем» мелодический образ опирается на широкую, вольнолюбивую революционную песню. Мысль и «музыка» обрели в поэзии мастера единство.

Схожий путь прошла рифмика Ушакова. Учеба у классики, переводы, фольклор — источники ее многообразия. Русская и особенно украинская поэзия подсказывали разноударную рифму: «окуни-окуни», «спеша-нэпманша». Восточное стихосложение давало рифму редифную. Ушаков-переводчик, осмысливая опыт национальных литератур в теоретических статьях, переносил затем этот опыт в свою оригинальную лирику: «черпая из жизни близких и далеких соседей, обогащаешь живое в родной поэзии». ²

Сегодня Ушаков тяготеет к «воскрешению» (наряду с жанрами и образностью) старых стершихся созвучий. Их он гармонизирует утонченным фонетическим рисунком. Черновики мастера свидетельствуют, что его рифмы — не довески, а провоздники поэтической мысли. Не подгонка стиха под «звонкое слово», а уточнение образа — такова роль рифмы Ушакова. Щеголеватая рифмика первых книг сменяется зрелым мастерством, не чуждающимся ни изощренных созвучий («Аэлиты-теодолиты», «боже мой-множимый»), ни рифм неброских, зато внутренне экспрессивных.

Динамичны не только традиции и новшества внутри творчества Ушакова, но и само взаимодействие поэзии мастера со стихами младших товарищей. Изучение писем, воспоминаний, статей Л. Озерова, Л. Вышеславского, Б. Палийчука, И. Рядченко, Н. Новикова, а также сравнительный анализ их произведений показывает, что Ушаков накапливает открытия, не просто передавая опыт, а уча и учась.

Своеобразно продолжают тему «счетоводов» отважный писарь у Рядченко, «на вид тшедушен, конопат»; боец Вышеславского, на котором «грязь в лучах солдатской славы горит, как золото». Старший писатель воспитывает у молодых нетерпимость к «виньеточности». Он отмечает жизненную

¹ Из личного архива Н. Ушакова.

² Ник. Ушаков, «Узнаю тебя, жизнь!». Радяньський письменник», К., 1958, стр. 45.

достоверность у Палийчука, помогает Вышеславскому утвердить себя в теме природы. Но и обратно: творческая молодежь «заставляет проверять жизнеспособность образной и словесной ткани» в стихах старшего поколения, «пробуждает встречный пыл».¹

Традиции для Ушакова — это прежде всего традиции новаторства, преобразования поэтических «привычностей». Такие традиции активно поддерживает он сам. В то же время мастер чем дальше, тем явственней избегает новаторства «на показ». Отношения Ушакова с товарищами по поэзии тоже подтверждают диалектичность «своего» и «общего» в советской лирике. Поэты не столько «опробергают» друг друга, сколько уточняют. Не столько «заимствуют», сколько развивают достигнутое. То, что привыкли считать «передачей эстафеты», все больше выражается ушаковской формулой «пробуждения встречного пыла». Так сама жизнь предопределяет динамику живой поэзии, где неразрывны искания и ответственность перед классическим наследием.

Исследование творчества Ушакова неполно без анализа его переводческой деятельности. До недавнего времени проблемы художественного перевода изучались в нашем литературоведении чаще всего «безлично», вне соотнесения с индивидуальностью переводчика. Между тем, для понимания и воспроизведения оригинала крайне важны эстетические взгляды автора перевода, его творческие традиции.

Масштабен труд Ушакова-переводчика: проза (И. Франко, М. Коцюбинский и др.), драматургия, но, конечно, на первом месте — поэзия. Широк временной диапазон: от стихов Сковороды до лирики Советской Украины, от узбекской, дагестанской, немецкой классики до С. Стальского, Бехера. В диссертации рассматриваются переводы поэтические (где своеобразие Ушакова особенно ощутимо), причем связанные с основными чертами ушаковского переводческого стиля.

В работе над лирикой Гейне и Ленау закладывается индивидуальная манера переводчика: самодисциплина, интонационная свобода русского эквивалента, внимание к «музыке», воспроизведение пластики оригинала. Выбор соответствий из синонимического ряда определил стилевую окраску переводов: «Лорелея» у Н. Ушакова мягче мужественного марша-

¹ Ник. Ушаков. Новаторство и традиции. «Дружба народов», 1962, № 9, стр. 16—17.

ковского варианта, приглушенной по сравнению с романтическими тонами Блока, сдержанной задумчивостью не похожа на перевод Левика. То же отличие через синонимистику наблюдаем в переводах «Болотных песен» Ленау. Несхожесть зависела и от того, какие стороны подлинника акцентировал переводчик. В «Трех царях» Гейне возвышенность легенды ближе оказалась Блоку, просторечность, разговорные интонации — Ушакову.

Воссоздавая поэзию Стальского и Мукими, Ушаков совершенствует свой переводческий метод, едет на «родину подлинника», изучает национальную историю и быт, работает в контакте с поэтами-соотечественниками переводимых авторов.

В статьях и архивных записях писатель, анализируя опыт этих переводов, уточняет собственное художественное мироощущение. Он увидел, как революционные перемены (Стальский) или «человеческая комедия Средней Азии» конца XIX века (Мукими) выражаются через бытовые подробности. Это подкрепляло конкретный, «осязаемый» историзм Ушакова-лирика, Ушаков исследует вхождение новых социалистических понятий, неслыханного прежде словаря в традиционный восточный стих. Бережно воспроизводит переводчик привычную тюркскую форму в непривычном по теме стихотворении о займе в СССР; взаимодействие традиционного с новым у Мукими: «Вековые предрассудки и банковские операции. Кетмень и хлопкоочистительный завод»². Наблюдения открывали переводчику динамичность «живой жизни» в поэзии.

Притом оказалось: историко-бытовые подробности не «заземляют» стихи, наоборот — дают толчок смелым метафорам, ассоциациям (у Мукими: зоб — и «бурдюк маслоторговца», и «гончарная печь», и «корзина с горем дехкан»). «Вещная» и метафоричная одновременно — лирика Ушакова помогла воссоздать такие образы в переводах.

Обращение поэта в дни Отечественной войны к антифашистским стихам Бехера формирует еще одно свойство ушаковских переводов: способность подойти к оригиналу «вплотную», почувствовать как личное поэтическое переживание.

Наиболее полная реализация переводческого кредо Ушакова — его переводы с украинского.

¹ Из личного архива Н. Ушакова.

² Там же.

Среди них на первом месте стоят переводы лирики Шевченко. Ушаков не только воссоздает по-русски стихи Кобзаря, а и пишет статьи, очерки, полемические заметки. Рассмотрение их, анализ черновиков, сопоставление ушаковских вариантов с дореволюционными переводами из Шевченко позволяет определить главные направления переводческого поиска.

Шевченко для Ушакова — «современнейший из современных». Великий украинский поэт видится ему «на переднем крае истории», как философ, знаток искусства, исследователь быта различных народностей, друг выдающихся людей эпохи. Легенде о пописывающем самоучке советский переводчик противопоставляет борьбу за «высокого» Шевченко; за то, чтобы русский читатель воспринимал Кобзаря в ряду мировых классиков. И не постулатно, а через образную ткань переводов.

Так, Ушаков практически доказывает, что обедненное звучание стиха в переводах обедняет и представление о всестороннем мастерстве Шевченко, народности его ритмомелодики. Своими переводами («Утоптала стежечку», «Рановранці новобранці» и др.) он спорит с переводчиками XIX века, не понимавшими этой народности, считавшими ритмику Кобзаря «бесформенностью», конечные созвучия — «неяршливостью».

Псевдонародным обработкам, стилизациям «под Надсона» противостоит у Н. Ушакова утверждение не простонародности, а народности Шевченко. Переводчик сохраняет те смелые, живые выражения, свойственные поэту («оркестр завываєт», «волы надорвались»), которые в эпигонской передаче ряда переводчиков прошлого подменялись литературными краснотами («звуків стройних хоры», «волы притомились»).

Новаторство Шевченко особо интересует Ушакова в перспективном плане — как предвосхищение многих черт современной поэзии. Динамическая композиция, лаконизм, психологическая достоверность и т. д., которых добивается мастер перевода, подтверждают его понимание певца Украины как «современнейшего из современных».

Ушаков стремится показать широкий диапазон лирики поэта вплоть до философской публицистики, где Кобзарь предстает «обличающим и направляющим учителем жизни» (по словам Ушакова). Характерны переводы «Я не незду-

жаю, нівроку». У М. Славинського это жестокий романс («очи ищут в мраке ночі», «грози́т грядуще́е бєдою»). У П. Тулуба — кривосязычне иностранцє с ложнокласическим вкусом («взор мой зорко нечтò зрит», «стать тогда будить»). У А. Колонтовського Шевченко — прогрессивно настроєнный, но лишєнный поэтического дара (сердце, «как голодная ма́лютка», «ждєшь с тоскою жуткой»). Суть в том, что для этих переводчиков Кобзарь не был ни «учителем жизни», ни первопроходчиком литературы. Напротив, Ушаков настойчиво снимает в своем переводе неоправданные просторєчя, неточности, чтобы полней донести политическую суть полєинника.

Принципы работы Ушакова над переводами лирики Шевченко проверяются, утверждаются в его же переводах из советской украинской поэзии. Это позволяет проследить, как складывается творческое родство Ушакова-переводчика с переводимыми писателями.

Подобное родство требует избирательности в подходе к авторам и произведениям. Ушаков воссоздавал стихи разных эпох, несхожие стили. И все же выделение главных, по мнению переводчика, проблем и тематических линий необходимо. У М. Рильского Ушаков нашел для себя самое близкое в теме «природу изменяет человек». Стихи украинского поэта о социалистическом преобразовании природы перекликаются с «весной республики», с «балладами дальних территорий» Ушакова, где воспето первостроительство. В стилевом отношении переводчика привлекло то, как Рильский использовал традиции, «язык, образы Пушкина для родственной украинской поэзии», и то, как традиция «обернулась новаторством»¹. П. Тычина стал для переводчика символом жизнеутверждающей народности. Дорога Ушакову и тычининская «способность к перевоплощениям», талант «вводить свежие пласты действительности» в стихи². Поэтому так многогранен Тычина и в ушаковских переводах.

Художественное единение переводчика и автора оригинала включает перспективный взгляд на творческий путь автора. Ушаков видит диалектику развития Тычины и Рильского, что позволяет ему выявить даже в ранних их произведениях (стихи о Форнарине, сонет «У теплі дні збирання винограду» и др.) тенденции последующего роста.

¹ Из личного архива Н. Ушакова.

² Там же.

«Единство масштабов», то есть умение сохранить истинную литературно-общественную значимость оригинала, также неотделимо от понятия творческого родства. По черновикам ушаковского перевода «Партия веде» с правками Тычины анализируется совместная работа поэтов над сохранением идейного заряда в этом лирическом гимне партии.

Ушаков-переводчик солидарен с Ушаковым-критиком, борющимся против «раздевания» стиха, за образность, гармоническое богатство поэзии. Переводчик передает «музыку» Тычины, словесную живопись Рыльского в их смысловой содержательности.

Поэтому неверно мнение, будто перевод требует отказа от своей индивидуальности. Напротив, чем больше у переводчика собственный гражданский, поэтический, теоретический «духовный запас», тем успешней доносится «лица необщее выраженье» в переводимых стихах.

Деятельности Ушакова присуща общность сквозных проблем и стилевых исканий.

Пафос «живой жизни» предопределяет «предметность» лирики поэта, интерес к жизненной конкретности в его литературоведческих работах. «Живая жизнь» привлекает переводчика в реалистической шевченковской образности, в непрерывно обновляющейся поэзии Тычины.

Динамизм ушаковской поэтики подсказан как изучением истории литературы, так и участием в социальном и культурном строительстве страны. Отсюда же современное прочтение классицизма, вклад Ушакова-переводчика в идейную борьбу за верное освещение классического наследия.

Интернационализм писателя выражается не только в тематике его стихов, не только через переводы, но и в том, как украинская ритмика и восточная рифма, палитра Шевченко и метафоры Мукими влияют на стиль самого Ушакова.

Писатель входит в минувшее и внимательным свидетелем, и идейно убежденным судьей. Тот же историзм помог Ушакову осмыслить диалектику старого и нового у Стальского, увидеть великого Кобзаря «на переднем крае истории», верно воссоздать «свежие пласты» революционной действительности в тычининских стихах.

«Строгий наставник» в поэзии (по словам Л. Вышеславского). «Ведущий конструктор» для младших лириков

(Б. Палийчук). Требовательный советчик, чья похвала заставляет «многое пересмотреть в своей мастерской, многое передумать» (И. Рядченко)¹. Во всем этом — не разноликость, а единство творческого облика Ушакова, неотторжимость требований к себе и другим.

«Синтетичность» его музыки опирается на единую мировоззренческую основу. Весь свой труд мастер отдает «весне республики». И поэтому многоголосое богатство советской литературы невозможно оценить вполне, не учитывая того, что создал Николай Ушаков.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Тема революции в лирике Н. Ушакова. «Радянське літературознавство», 1967, № 3.

2. Труд не уходит в отставку. «Радуга», 1967, № 3.

3. О некоторых принципах перевода шевченковской лирики. «Вопросы русской литературы», межвузовский республиканский сборник, изд-во Львовского университета, 1968, вып. 8.

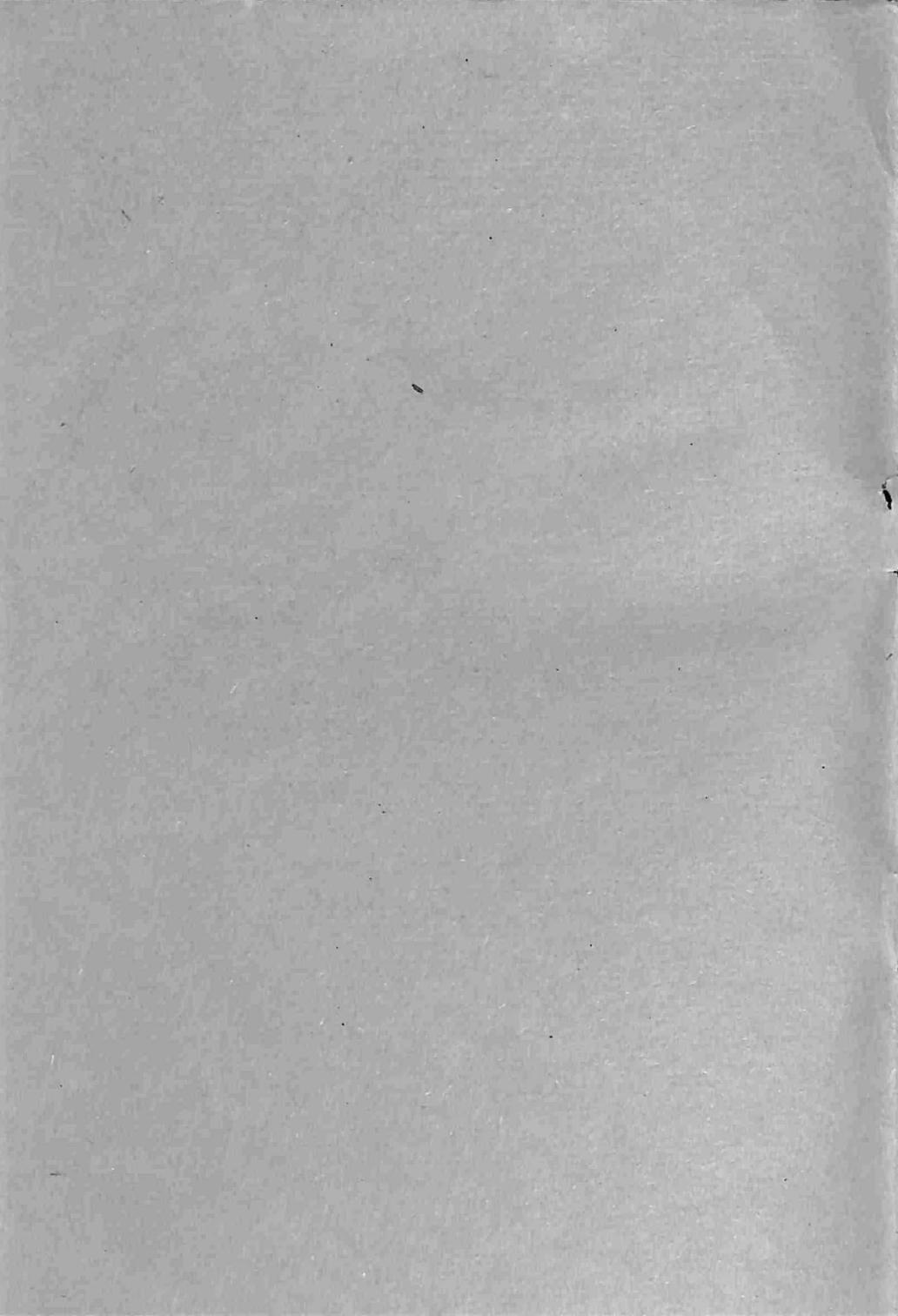
4. «Мир, на образ множимый...» «Радуга», 1968, № 9.

5. Н.Ушаков-переводчик П. Тычины и М. Рыльского. «Радянське літературознавство», 1968, № 12.

6. Одухотворенное перо. «Октябрь»(в печати).

---

¹ Из неопубликованных воспоминаний писателей.

стенограмма

**КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. М. ГОРЬКОГО.**

Сдано в набор 2.X.1968 г. Подписано к печати 4.X.1968 г. БФ 28193, Бумага 60x84 1/16
Объем: 1,0. физ. л. 1,0 усл. п. л. уч.-изд. л.

Феодосийская офсетная фабрика, з. 1672, т. 150, 10.X.68 г.